

УДК: 821. 161. 1 (Иванов)

Свенцицкая Э.М.

доктор филологических наук, профессор
кафедра славянской филологии и журналистики
Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
ул. Джона Маккейна, 3, Киев, Украина, 01042
<https://orcid.org/0000-0002-0112-1504>
elinasvm@gmail.com

**ПРОБЛЕМА СЛОВА И ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ
ВЯЧ. ИВАНОВА: ФИЛОСОФСКИЕ КОНТЕКСТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Статья посвящена анализу концепции слова и языка в творчестве Вяч. Иванова. Выявлены актуальные для Вяч. Иванова философские контексты: античная философия, средневековая философия, философия В. Гумбольдта. Сделан вывод о своеобразии осмысления соотношения языка и человеческой субъективности в русской религиозной философии как об опыте удержания бытийности и человекомерности в их взаимообусловленности.

Ключевые слова: слово, язык, личность, индивид, соборность, слово-имя, слово-ознаменование, символ.

Проблема языка активно осмыслялась античной философией (диалоги Платона, Логос Гераклита, лектон стоиков). Далее средневековый спор номиналистов и реалистов вполне допускает редукцию к языковой проблематике: соотношение имени (названия) и предмета. В философии Нового времени (у Гоббса, Юма) язык становится выражением мысли или представления, за которыми, в логике скептицизма, может и не быть никакой объективной реальности. Здесь, безусловно, нарушается связь между языком и миром, свойственная античной философии, и связь между языком и Богом, свойственная средневековой. Затем, по мнению С. Булгакова, «вся новейшая философия, кроме философии Лейбница, прошла мимо языка, можно сказать, не заметив проблемы слова. Ни Кант, ни Фихте, ни Гегель не заметили языка, и потому неоднократно являлись жертвой этого неведения» [2, 5].

Для Вяч. Иванова философия языка начинается с В.Гумбольдта. Она характеризуется, прежде всего, привлечением внимания к человеческой субъективности, причем «субъективность отдельного индивида снимается, смягчается и расширяется субъективностью народа, субъективность народа – предшествующими и нынешними поколениями, а субъективность этих последних – субъективностью человечества вообще. Без учета этой глубокой, внутренней связи всех языков невозможно постичь действие какого-либо отдельного языка» [4,

365]. Принципиальна не тільки взаємозв'язок загального і індивідуального, но і те, що загальне тут послідовно очеловечується: і людина, і народ, і людство тут предстали як різномасштабні суб'єкти. Іменно на челокомерності мови ґрунтується у В. Гумбольдта його органічність: «...о якому б предметі ні йшла мова, його завжди можна співвіднести з людиною, а іменно з цілим його інтелектуальним і моральним організмом» [4, 385]. В органічності мови, його «внутрішній формі» - свого роду духовне тіло людської особистості, слово – «непосередня діяльність думки», виражаюча і людина, і дух народу.

Вяч. Іванов, безумовно, є послідовником В. Гумбольдта, підкреслюючи діяльну природу мови: «Мова... є одночасно справа і діяльна сила, соборна середина, сукупно всіма неперестанно творима, і обумовлююча всяке творче діяння з самої колибели його задумки...» [8, 396]. В наведеному висловлюванні симптоматично, як гумбольдтська діалектика індивідуального і загального виражається в слов'янській категорії соборності, котра Вяч. Івановим осмислюється іменно як зв'язок особистостей між собою і з чимось вичужним, зв'язок, проявлений через слово: «Соборність єсть... таке з'єднання, де з'єднуються особистості досягають досконалості розкриття і визначення своєї єдиної, неповторимої і самобутньої сутності, своєї сукупної творчої свободи, котрі роблять кожен з них окремим, новим і для всіх потрібним словом. В кожному слові прийнято тіло і мешкає з усіма, і во всіх звучить різно, но слово кожному знаходить відгук во всіх, і все – одне вільне узгодження, ібо все – одне Слово» [7, 100].

Людина тут дійсно втілена в слово, а слово – в людина, в цій взаємній втіленості – основа збирання людей в єдине ціле, но без втрати особистості як окремого феномена, без зливання індивідів в безлику масу. Слово з'єднує єдиних в єдине, перебуваючи всередині кожного, змінюючись в кожному так, як диктує своєобразие даної індивідуальності, в те ж час зберігаючи незмінність свого глибинного значення. Звернемо увагу, що в івановському визначенні соборності паралельно встановлюються зв'язки між особистим і загальним, і зв'язки між тем словом, котрий «наспочатку був» (і котрий Вяч. Іванов пише з великої букви), і словом людини (котрий пишеться з маленької букви). Слово Бога тут не відокремлено від людини нерухомою межею, воно присутнє в кожному, як енергія з'єднання, стаючись умовою одночасно і різниці, і загальності. Гумбольдтські діалектика і челокомерність у Вяч. Іванова, безумовно, залишаються актуальними і розробляються більш детально. Визначаючи мову як «соборне ціле», Вяч. Іванов як би в дужках має на увазі визначену конструкцію, приче ідеальну, оскільки «соборність – не даність, а завдання» («Легион і соборність»). З допомогою цієї конструкції особистість стає умовою з'єднання особистостей. Ціле, включаю-

щее в себя личность, должно неизбежно с личностью соотноситься. Собственно, слово у Вяч. Иванова наполняется энергией личностного смысла.

С категорией соборности связан еще один важный момент в ивановском осмыслении языка: «Некое обетование чудится мне в том, что имя «соборность» почти не передаваемо в иноземных наречиях, меж тем как для нас звучит в нем что-то искони и непосредственно понятное, родное и заветное, хотя нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию единого логического понятия – «концепта»» [7, 101]. В данном пассаже, по-видимому, звучат отголоски спора номиналистов и реалистов: выражает ли имя предмета его сущность или только называет определенные представления человека. Своеобразие ивановской концепции слова-имени состоит в том, что название не отражает, а формирует, точнее проявляет сущность как заложенную внутри национального духа. Эта сущность – не понятие и не явление, она четко не определена, но одновременно понятна – скорее всего, это нечто вроде платоновской врожденной идеи, но она не изначально задана, а создается и выражается словом.

В принципе, категория слова-имени концентрирует в себе отношение языка к сущему и к вещам. За данной категорией стоит античная парадигма: слово как знак присутствия, поэтому типичное слово – собственное имя (Дион у стоиков). Одновременно тут актуальна и средневековая религиозная философия, в которой слово становится носителем высшего смысла («Слово было у Бога и слово было Бог»). Кроме того, для русской религиозной философии имеславие – «философская предпосылка» (П. Флоренский), т.е. слово – не знак, а выражение, раскрытие присутствия Бога в созданной им реальности. Именно потому, по П.Флоренскому, слово – «это бытие, которое больше самого себя».

Однако имеславие действительно лишь «философская предпосылка» для осмысления слова-имени у Вяч. Иванова. Слово у него – не монада, не микрокосм, содержащий в себе макрокосм. И античность, и средневековый философский контекст в его творчестве живут, но в принципиальной динамике и взаимообращенности. Слово-имя Вяч.Ивановым трактуется как движение, направленное в две стороны одновременно: от вещественной, данной в ощущениях реальности к реальности духовной, сакральной, и обратно, от духовной реальности к вещественной. Слово-имя моделирует взаимодействие этих реальностей, когда нечто вещественное, конкретное не пассивно кем-то означает, а само ищет себе имени как способа перехода в область духа, и, с другой стороны, сущности духовные хотят выразиться, т.е. сформироваться в конкретном явлении материального мира.

Яркое подтверждение этой мысли – стихотворение «Острова» (сб. «Свет вечерний»). Обратим внимание, что в стихотворении два слова написаны с прописной буквы – слова (именно во множественном числе) и острова, что говорит о родственности природы слова его пространственной локализации, слова и выражают себя через острова («так пленные тоскуют острова... Вы ту

же быль запомнили, слова» – на этом соответствии и строится стихотворение). То есть, слово – сущность пространственная, оно занимает какое-то место в бытии.

Но где же находятся слова? С одной стороны – «нас в гости плыть к богам зовет зоря» - они движутся вверх. С другой стороны – «вкоренены недвижно вглубь земли» – состояние противоположное. Слово подвижно, как парус, и одновременно неподвижно, как остров, т.е. неподвижное пребывает в движении, отчего верх и низ меняются местами («...паруса созвездий тех вдали – Вкоренены недвижно вглубь земли»), а потом проникают друг в друга: «И влажную мы помним пелену, – Что в ласковом лелеет нас плену, – Как тонкую воздушную волну». Слово – не некий духовный предмет, а стихия, та среда, в которой смещается то, что устоялось, и проясняются новые связи.

Данная закономерность дает основания утверждать символическую природу слова и поставить проблему его смысла. Характерно, что у Вяч. Иванова символ – это особого рода знак (как в дальнейшем будет у Ч. Пирса, Р. Барта, Ю. Лотмана). Так в статье «Две стихии в современном символизме» Вяч. Иванов пишет: «Символ есть знак, или ознаменованье... Поистине, как все нисходящие из божественного лона, символ – «знак противоречивый»» [6, 143].

Однако «знак» и «знамение» или «ознаменованье» – это далеко не синонимические понятия: «Раскрывая в вещах окружающей действительности символы, т.е. знаменья иной действительности, оно (искусство) представляет ее знаменательной. Другими словами, оно позволяет осознать связь и смысл существующего не только в сфере земного эмпирического сознания, но и в сферах иных» [6, 143]. Знамение – не указание, а раскрытие присутствия, выражение высшей реальности, и когда действительность предстает знаменательной, это значит, что она оказывается пронизанной вертикальными смысловыми связями.

Но обратим внимание на своеобразие этой вертикали. В платоновской метафизике, из которой Вяч.Иванов исходит, идеальное внеположено реальному. Если применить эту закономерность к языку – смысл слова находится по ту сторону самого слова. Его невозможно обнаружить ни в самой звуковой данности слова, ни в грамматических и синтаксических структурах языка. А символическое мышление дает возможность увидеть в реальном мире выражение высшей реальности.

У Вяч. Иванова данная закономерность раскрывается в цикле «Слоки» (сборник «Прозрачность»). Определяющему называнию здесь подлежит только то, что выявляется вовне, что действует: «Кто скажет: «Здесь огонь» – о пепле хладном – Иль о древах сырых, слаженных в кладу?». Ясно, что огонь в пепле был, а в дровах содержится, но сказать «огонь» можно только тогда, когда он горит, т.е. проявляется. Смысл слова, следовательно, находится внутри слова, это его динамически активный аспект. Именно в этом, на наш взгляд, содержание внешней тавтологичности ряда словосочетаний: «волит воля»,

«свершается свершитель» и «делается деятель» и т.д. – суть, заключенная в существительных, неотделима от действия, выраженного в однокоренных глаголах. При этом онтологический статус личности также утверждается словом и неотрывен от движения: «И кто сказал: «Я есмь» – покой отринул». Бытие, проявляясь вовне через человека, творит самое себя, а слово является катализатором этого процесса.

Собственно, и рождение слова в «Слоках» представляется как временное развертывание, динамика смыслов. Вначале оно в будущем: «Кто скажет: «Здесь огонь...»», затем – в настоящем: «... Кто говорит: «Я – сущий»», и, наконец, в прошедшем: «И кто сказал: «Я есмь...»». Действие смыслополагания разворачивается от будущего к прошедшему, от возможности к осуществлению. Произнесение слова – это не просто утверждение бытия предмета как его действия, которое и выявляет наличие в нем идеального смысла. В нем – диалектика наименования и ознаменования: ««Жрец» нарекись, и ознаменуйся «жертва»». Таким образом, жрец узнает себя в жертве, а жертва в жреце, также как и огонь, который горит в первой строке, узнает себя в финальном жертвенном огне – идеальное, следовательно, раскрывает через слово свое присутствие в реальном.

В этом отношении, безусловно, Вяч. Иванов предвещает феноменологическое понимание бытия как раскрывающегося, мыслимого человеком и особенно хайдеггеровскую концепцию бытия как присутствия. М. Хайдеггер полностью снимает платоновско-кантовскую иерархию, Вяч.Иванов создает основания для такого рода слияния, постулируя связь (которую, по-видимому, проблематизирует кантовская «вещь в себе»), но сохраняя расстояние между феноменальным и ноуменальным миром – предпосылку для явления смысла.

Обратим внимание, что это явление в цикле «Слоки» неотрывно от субъекта – («Кто скажет: «Здесь огонь...»). Смысл, следовательно, воплощает личностная энергия, которая выявляет положение человека на грани мира видимого и мира невидимого, смысл устанавливает отношение причастности личности к этим двум мирам. Таким образом, и слово, и язык, символически сгущенный в слове, представляет собой, эксплицируют смысл в человеческой реальности в качестве ее стремления совпасть с бытием. Язык, таким образом, – действие, энергия, граница (обратим внимание, что у М.Хайдеггера толкование языка гораздо более объектно, чем у Вяч. Иванова. У него это объект восприятия: «язык говорит», а мы «слушаем язык таким образом, что даем ему сказать свой сказ» [9, 266]).

Позиция Вяч. Иванова укоренена в отношении бытия как смысла (Бога) к слову, откуда вытекает онтолого-герменевтическая направленность его мышления. При этом характерно, что соединение онтологии и герменевтики у него абсолютно органично, поскольку герменевтика предает метафизике субъективно-деятельностный характер, переносит центр тяжести с понятия на чувство. Благодаря герменевтике связь «реального с реальнейшим» проясняется именно как укорененное в личности, плотью которой стало слово.

Безусловно, что мышление Вяч. Иванова, когда он обращается к творчеству М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, именно герменевтично в плане понимания «другого» через себя, а себя – через «другого». В принципе, ивановскому подходу ближе всего герменевтика Г. Гадамера в плане утверждения значимости смыслового измерения чужого текста: «Стремясь понять какой-либо текст, мы переносимся... в ту перспективу, в рамках которой «другой» (т.е. автор) пришел бы к своему мнению... Задача герменевтики и состоит в том, чтобы объяснить это чудо понимания, которое не какое-то загадочное общение душ, но причастность к общему смыслу» [3, 365]. Тут личность, как и у Вяч. Иванова, изначально разомкнута, поскольку причастна к тому смыслу, который, с одной стороны, существует объективно как часть истины, но раскрывается через взаимообращенность «я» и «другого».

Язык в творчестве Вяч. Иванова – феномен смыслового единства и целостности мира, именно поэтому «в нем заложена была распространительная и собирательная воля; он был знаменован знаком сверхнационального, синтетического, все объединяющего назначения...» [8, 397]. Отсюда, опять-таки, недалеко до хайдеггеровского утверждения «язык – дом бытия». Однако М.Хайдеггер явно мифологизирует язык, который становится у него столь же универсальным началом в плане проникновения в смежные категории, как и бытие сущего. Вяч. Иванов говорит о «мифологической эпохе языка» и утверждает его религиозную природу. Так, в статье «Наш язык», прочерчивая линии преемственности русского языка с древнегреческим и церковнославянским, Вяч. Иванов видит в этих языках формы соединения с религиозным преданием: «Вследствие раннего усвоения многочисленных влияний и отложений церковнославянской речи наш язык является ныне единственным из новых языков по глубине впечатления в его самостоятельной и беспримесной пламенной стихии – духа, образа, строя словес эллинских, эллинской «грамоты». Через него невидимо сопричастны мы с самой древностью: не за пределами и внеположна нашему народному гению, но внутренне соприродна ему мысль и красота эллинские; уже не варвары мы, поскольку владеем собственным словом и в нем преемством православного предания, оно же для нас – предание эллинства» [8, 397]. Собственно, и вся критика орфографической реформы в этой статье исходит из того, что она разрывает связь русского языка с православием. Точнее, в стихии языка, по мнению Вяч. Иванова, заложена «всякая имеющая процвести в ней святость» [7, 398]. Но подлинную религиозность Вяч. Иванов мыслит человеческой: «В наши дни вера в бога должна сочетаться с глубоким и целостным опытом живой веры в сущее бытие неистребимого и сокровенного «я» в человеке. Вера в бога всегда имела своим соотносительным последствием это переживание, в форме верования в бессмертие души» [7, 99].

Если теперь вернуться к началу наших рассуждений, то возникает следующий парадокс. Сосредоточенность на исследовании языка как феномена человеческой культуры в Новое время связана со стремлением привлечь внимание

к личностной органике («тип и функции языка есть организм духа» [4, 237]). Сознание нации осмысливается им по аналогии с личностным и индивидуальность оказывается имманентно проявленной через язык. И вот это расширение горизонтов проявления человеческой личности постепенно порождает ее проблематизацию. Не человек говорит языком, а «язык говорит» (Хайдеггер) человеком, и хайдеггеровское *Dasein* – не человек в бытии, а бытие в человеке, и в другой, структурно-семиотической логике, та же ситуация. Р. Барт говорит, что язык «по самому своему существу является коллективным договором, которому индивид должен полностью безоговорочно подчиниться, если он хочет быть участником коммуникации» [1, 114-115]. И еще более резко у Ж. Деррида: «Слова выбирают поэта... Искусство писателя состоит в том, чтобы мало-помалу выполнить волю и интерес слов... Так постепенно книга окончит меня» [5, 85]. Те же соображения у И.Бродского в нобелевской лекции – «диктат языка». Такого рода утверждения имеют разную логику, и онтологическую, в смысле полагания бытийной сущности языка и места человека «при словах» (М. Хайдеггер), и знаковую – в смысле раздельности слова и мира, которая порождает множественность смыслов, где уже нет необходимости в субъекте смыслопорождения (Р. Барт). Движение мысли шло от осмысления языка как формы выявления человеческой субъективности к языку как форме растворения или подавления этой субъективности.

В этом процессе русская религиозная философия, и особенно философское поэтическое творчество Вяч.Иванова, представляет собой опыт удержания бытийности и человекомерности в их взаимообусловленности. У Вяч. Иванова человеческая субъективность безусловно должна быть выявлена – и добровольно подчинена языковому, религиозному целому, которое она выбирает как экзистенциально родственное ей. По сути, в осмыслении слова Вяч. Ивановым отразилась напряженность соотношения между словом как элементом жизненной реальности и прагматического языка и словом, направленным к бытию в его целостности. Здесь намечены два вектора в осмыслении проблемы слова: трагедия «нераздельности и неслиянности» слова и бытия и трагедия ответственности слова перед жизнью.

Список использованной литературы

1. Барт Р. Основы семиологии. *Структурализм: за и против*. Сборник статей. Москва: Прогресс, 1975. 380с.
2. Булгаков С. Философия имени. Москва: Директ-Медиа, 2014. 334с.
3. Гадамер Г.–Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва: Прогресс, 1988. 520с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. Москва: Прогресс, 1985. 412 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие / перевод с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. 427с.
6. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994. С. 143-169.

7. Иванов Вяч. Легион и соборность. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994. С. 96-101
8. Иванов Вяч. Наш язык. *Родное и вселенское*. Москва: Республика, 1994. С. 396-400
9. Хайдеггер М. Путь к языку. *Время и бытие*. Москва: Республика, 1993. С. 259-273

Свенцицька Е.М.

Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського
кафедраслов'янської філології і журналістики
<https://orcid.org/0000-0002-0112-1504>
elinasvm@gmail.com

**ПРОБЛЕМА СЛОВА І МОВИ В ТВОРЧОСТІ В. ІВАНОВА:
ФІЛОСОФСЬКІ КОНТЕКСТИ Й ПЕРСПЕКТИВИ**

Статтю присвячено аналізу концепції слова і мови в творчості В. Іванова. Розглянуто як філософські, такі поетичні твори автора, зокрема: «Наша мова», «Легион і соборність», «Дві стихії всучасному символізмі», вірш «Острови» (збірка «Світло вечірне»), цикл «Слоки» (збірка «Прозорість») та ін. Виявлено актуальні для В. Іванова філософські контексти: антична філософія, середньовічна філософія, філософія В. Гумбольдта. Гумбольдтівська діалектика індивідуального й спільного виражається через слов'янську категорію соборності, яка В. Івановим осмислюється саме як зв'язок особистостей одна з одною і з чимось позаособистісним, зв'язок, проявлений через слово. Загальносимволістська концепція слова-імені концентрує в собі античні й середньовічні трактування слова, але В.Іванов тут підкреслює динаміку. Слово-ім'я В. Івановим потрактовано як рух, спрямований у дві сторони одночасно: від речовинної реальності, даної у відчуттях, до реальності духовної сакральної – і навпаки, від духовної реальності до речовинної. Звідси випливає ствердження символічної природи слова і постановка проблеми його смислу. Позиція В. Іванова укорінена у співвідношенні між буттям саме як смислом (Богом) і словом, звідки впливає онтолого-герменевтична спрямованість його мислення. І мова в творчості В. Іванова – феномен смислової єдності й цілісності світу. Таким чином, іванівське осмислення співвідношення мови і людської суб'єктивності - це спосіб утримання буттєвості й людиновимірності в їхній взаємообумовленості.

Ключові слова: *слово, мова, особистість, індивід, соборність, слово-ім'я, слово-ознаменування, символ*

Elina Svetsitsky

Tavria National University named after V.I. Vernadsky

Department of Slavic Philology and journalism

<https://orcid.org/0000-0002-0112-1504>

elinasm@gmail.com

**PROBLEM OF WORD AND LANGUAGE IN THE WORKS
OF V.IVANOV: PHILOSOPHIC CONTEXTS AND PROSPECTIVES**

The article is dedicated to the analysis of the concept of word and language in the works of V. Ivanov. Both philosophic and poetic works are being analyzed, namely: "Our language", "Legion and Conciliarism", "Two elements in modern symbolism"; poems: "Islands" (selected works "Evening light"), cycle "Sloki" (selected works "Transparency") etc. Philosophic contexts important for V. Ivanov are identified, namely: antic philosophy, medieval philosophy, philosophy of V. Humboldt. Humboldt's dialectics of individual and common is expressed through Slavic category of conciliarism, which V. Ivanov understands as connection of individuals and with something above individual, the connection expressed through word.

The general symbolic concept of word-name unites antiques and medieval understanding of the word, but V. Ivanov underlined the dynamics here. Word-name is explained by V. Ivanov as the movement, directed in two sides simultaneously: from things reality expressed in sentiments towards sacral and spiritual reality; and vice-versa from spiritual towards the reality of things.

Following this is the statement of symbolic nature of word and the problem of it's meaning. The position of V. Ivanov is rooted in the relation between the being as meaning (God) and word, and from here the ontological-hermeneutical direction of his thinking. And the language in the works of V. Ivanov is the phenomenon of unity of senses and holistic perception of the world. Thus, Ivanov's understanding of inter-relation between the language and the human individualism is a way to support the being and humanistic measurement in their reciprocal definition.

Key words: word, language, personality, individual, conciliarism, word-name, word-definition, symbol.

References

1. Bart R.(1975)Osnovysemiologii. [Basics of semiology].*Strukturalizm: za i protiv: sbornik-statej [Structuralism: pro e contra: collection of articles]*, Moscow: Progress[in Russian].
2. Bulgakov S. (2014)*Filosofiyaimeni[Philosophy of the name]*, Moscow: Direct-Media, 334p.[in Russian].
3. Gadamer G-G. (1988)*Istinaimethod. Osnovyfilosofskojgermenevtiki[Truth and methods. Basics of philosophic hermeneutics]*, Moscow: Progress[in Russian].
4. Humboldt V. (1985)*Yazykifilosofiyakul'tury[Language and philosophy of culture]*, Moscow: Progress[in Russian].
5. Derrida J. (2000) *Pis'mo i razlichie[Writing and difference]/ transl. from French. A. Geredji, V. Lapitsky and S. Fokin. Collection and general editing of V. Lapitsky. Sant Petersburg: Academic project[in Russian].*

6. Ivanov V. (1994a) Dve stihii v sovremennom simbolizme [Two elements in modern symbolism]. *Rodnoe i vseleskoe [Inborn and Universal]*, Moscow: Republic, pp. 143-169[in Russian].
7. Ivanov V. (1994b) Legion i sobornost' [Legion and Conciliarism]. *Rodnoe i vseleskoe [Inborn and Universal]*. Moscow: Republic, 1994. pp. 96-101[in Russian].
8. Ivanov V. (1994c) Nash yazyk [Our language]. *Rodnoe i vseleskoe [Inborn and Universal]*. Moscow: Republic, pp. 396-400 [in Russian].
9. Heidegger M. (1993) Put' k yazyku[Way towards language]. *Vremya i bytie[Time and being]*. Moscow: Republic, pp.259-273 [in Russian].

Статтю подано до редколегії 3 вересня 2020 р.